

— Хорошо, дорогая, — раздался голос короля. Его голос, холодный и успокаивающий, звучал особенно властно, отражаясь от высоких стен здания. — Всему есть предел. Раньше я не понимал этого, но, находясь в тюрьме, я много думал над этим вопросом. Я считаю, что, по крайней мере в этом, я не дал своим подданным ощущения безопасности, и это моя ошибка. Конечно, как королева, ты по праву можешь наслаждаться роскошной жизнью, это твоя привилегия, но ты, будучи доброй, конечно, поймешь мои трудности, не так ли?

Его мягкие слова заставили королеву замолчать, и она не смогла произнести ни слова.

— Хорошо, похоже, что привести тебя сюда было ошибкой, дорогая. Не хочешь ли ты вернуться во дворец и отдохнуть?

Эти слова с радостью приняла и без того нервничающая королева.

— Теперь суд может продолжиться, — король проводил королеву взглядом, затем вернулся на свой трон и дал знак судье продолжить.

Однако он знал, что кое-что уже изменилось.

Как гордый король, он публично признал свои размышления в тюрьме, что было редким явлением, особенно концепция «дать народу чувство безопасности», которая была новой и заботливой. Взглянув на молчаливую толпу, он понял, что этим шагом завоевал некоторую поддержку. Его взгляд упал на мужчину в зрительской ложе. Хоффман, встретив его взгляд, медленно улыбнулся в знак одобрения.

Он знал, что этим шагом пожертвовал жалкой королевой, но не чувствовал себя виноватым.

Оригинальный король, конечно, был слабым и бездарным правителем, но королева также внесла свой вклад в разрушение страны. Ее расточительство и долги, назначение своих людей на государственные должности, требования к Норе помочь Сантане — все это могло вывести из себя любого, кто хотел что-то изменить.

Однако как в истории, так и в оригинальном сюжете, основная ответственность лежала на короле, а королева, будучи принцессой Сантаны, всегда пользовалась уважением со стороны правительства Норы. Хотя позже она не могла так же безудержно тратить деньги и накапливать долги, она все же жила в достатке и даже умудрялась наставлять рога королю. В конце концов, когда в Сантане на трон взошел ее племянник, с которым у нее были хорошие отношения, она почувствовала, что терпение Норы к ней иссякло, и, собрав свои вещи, вернулась в Сантану, чтобы стать герцогиней.

Он не ненавидел ее. По правде говоря, в его глазах королева была лишь еще одним наследством, оставленным ему оригинальным королем. Поскольку она не имела для него никакого значения, он не видел проблем в использовании этой жалкой и смешной женщины. В конце концов, каждый должен нести ответственность за свои поступки, не так ли?

Этот затянувшийся суд длился десять дней, и после сбора доказательств, показаний свидетелей и признаний обвиняемых, наконец, подошел к концу. В течение этих десяти дней было немало неожиданных поворотов. К удивлению многих, когда третье сословие обвиняло в несправедливости и пыталось оспорить приговор, король оставался молчаливым, словно демонстрируя уважение к закону.

Его спокойный, элегантный и хладнокровный образ незаметно завоевал сердца людей, а за десять дней суд, который раньше был никому не интересен, обрел ауру святости и

торжественности.

— Пренебрежение королевской властью, вторжение в королевский дворец, похищение короля — этих преступлений достаточно для смертного приговора, который должен быть приведен в исполнение на гильотине, — судья произнес заключительную речь. — Что касается остальных, они участвовали в массовых беспорядках, нарушали общественный порядок, сеяли панику среди дворян и, как представители третьего сословия, осмелились восстать против высших сословий. Они также приговорены к смерти через повешение. — Судья торжественно закончил речь и посмотрел на короля, сидящего рядом.

Король, опираясь на скипетр, медленно поднялся и подошел к боковой стороне судьи, слегка кивнув в сторону герба суда, висевшего над судейским местом, в знак уважения.

— Я считаю, что для долгосрочного процветания страны законы необходимы. Именно поэтому в этом деле я выбрал это священное место для открытого суда, чтобы все могли получить справедливый результат, а также чтобы правосудие укоренилось в сердцах людей и процветало из поколения в поколение. Господин судья, я помню, что в «Священном кодексе» есть пункт, согласно которому в особо важных случаях судья может учитывать мнение потерпевшего. Это так?

Судья задумался. Действительно, такой пункт существовал. Но разве приговор к гильотине недостаточен?

— Конечно, ваше величество, как потерпевший, вы имеете право высказать свое мнение.

Хань Сю удовлетворенно улыбнулся:

— Я считаю, что ранее я действительно не учел интересы третьего сословия, но это не может быть оправданием для нарушения королевской власти. Конечно, вы все мои подданные, и как король я должен быть милосердным и великодушным.

— Поэтому я считаю, что лучшим наказанием будет не лишать вас жизни, а конфисковать ваше имущество. Оно будет направлено в казну для укрепления границ, поддержания порядка в городе и строительства общественных сооружений, таких как водохранилища. Но вы должны будете отработать определенный срок — например, двадцать лет — в качестве компенсации за ваше пренебрежение королевской властью.

— После этого я созову собрание трех сословий, чтобы обсудить политический статус и социальные права третьего сословия. Смерть — это не подходящее наказание. Вы должны отвечать за свои поступки. Господин судья, как вы считаете, подходит ли такое наказание для тех, кто вторгся в королевский дворец?

Судья открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент кто-то из зрительской ложи поднял руку. Это был кардинал Хоффман Лахесис, еще одна важная персона. Судья покорно позволил Хоффману выйти вперед и высказаться.

— Церковь считает, что наказание, предложенное королем, является милосердным и великодушным, но при этом не лишено величия и назидательности. Церковь чувствует, что на короле снизошел святой свет, и он является священным королем, дарованным Норе нашим Господом. Церковь предлагает, чтобы в случае с жертвами, пострадавшими на площади Деладис, наказание также было смягчено в соответствии с подходом короля, который больше соответствует величию и милосердию нашего Господа.

— ... — Судья был ошеломлен.

Да, судья беспокоился о таком наказании. Хотя оно звучало неплохо, он чувствовал, что это может быть более мучительным, чем смерть: лишение всего имущества. Для любого богатого человека это было бы хуже, чем смерть. Он ясно видел суровость короля и предвидел, как после этого события простые люди будут восхищаться его «милосердием».

Он беспомощно посмотрел на дворянскую ложу. Для него согласие было лучшим вариантом, так как это избавило бы его от гнева короля, но если он согласится, это может навредить интересам дворян. Ведь если эти люди останутся в живых, кто знает, какие тайны могут всплыть? Взгляните на результат переворота: в конечном итоге власть оказалась в руках крупных дворян, а кто знает, не были ли они замешаны в самом начале? Кроме того, даже если они были невиновны, многие дворянки, присутствовавшие на площади Деладис, были напуганы, и эти нервные и гордые дамы не так-то просты.

С другой стороны, король уже сам предложил «смягчить» наказание, чтобы показать свое милосердие, а Церковь также поддержала его, сославшись на события на площади Деладис, так что избежать этого было невозможно.

Поэтому канцлер снова встал и выразил поддержку «милосердному, но величественному» подходу короля.

Мнения сошлись. Судья облегченно вздохнул и наконец ударил молотком, вынося приговор.

Этот судебный процесс привлек внимание всего города Сент-Бетти, и люди горячо обсуждали его итоги. Что касается молодого короля, их мнение о нем изменилось на сто восемьдесят градусов.

<http://bllate.org/book/17715/1655482>